

Журнал ЦК ВЛКСМ и ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
имени В. И. ЛЕНИНА для ОКТЯБРЯТ

СТИХИ О МАРТЕ МЕСЯЦЕ

Юрий КОРИНЕЦ *Рис. А. БРЕЯ*

В марте снег блестит.
За окном светло.
На меня глядит
Первое число.

Я от вас не скрою —
В марте любо мне
И число второе
С третьим наравне.

И число четвёртое —
Как стекло протёртое!

Пятое,
Седьмое...
Всё светлее днём!
Словно кто-то моет
Небо за окном.

В марте три десятка
С единицей дней,
Каждый день приятней,
Каждый день длинней!

— Это месяц света! —
Люди говорят.
И люблю за это
Я весь март подряд.

Но скажу вам прямо:
Мне ещё милей
День, когда мне с мамой
Как-то веселей —

Веселей смеяться,
Веселей играть,
Веселее браться
В доме прибирать.

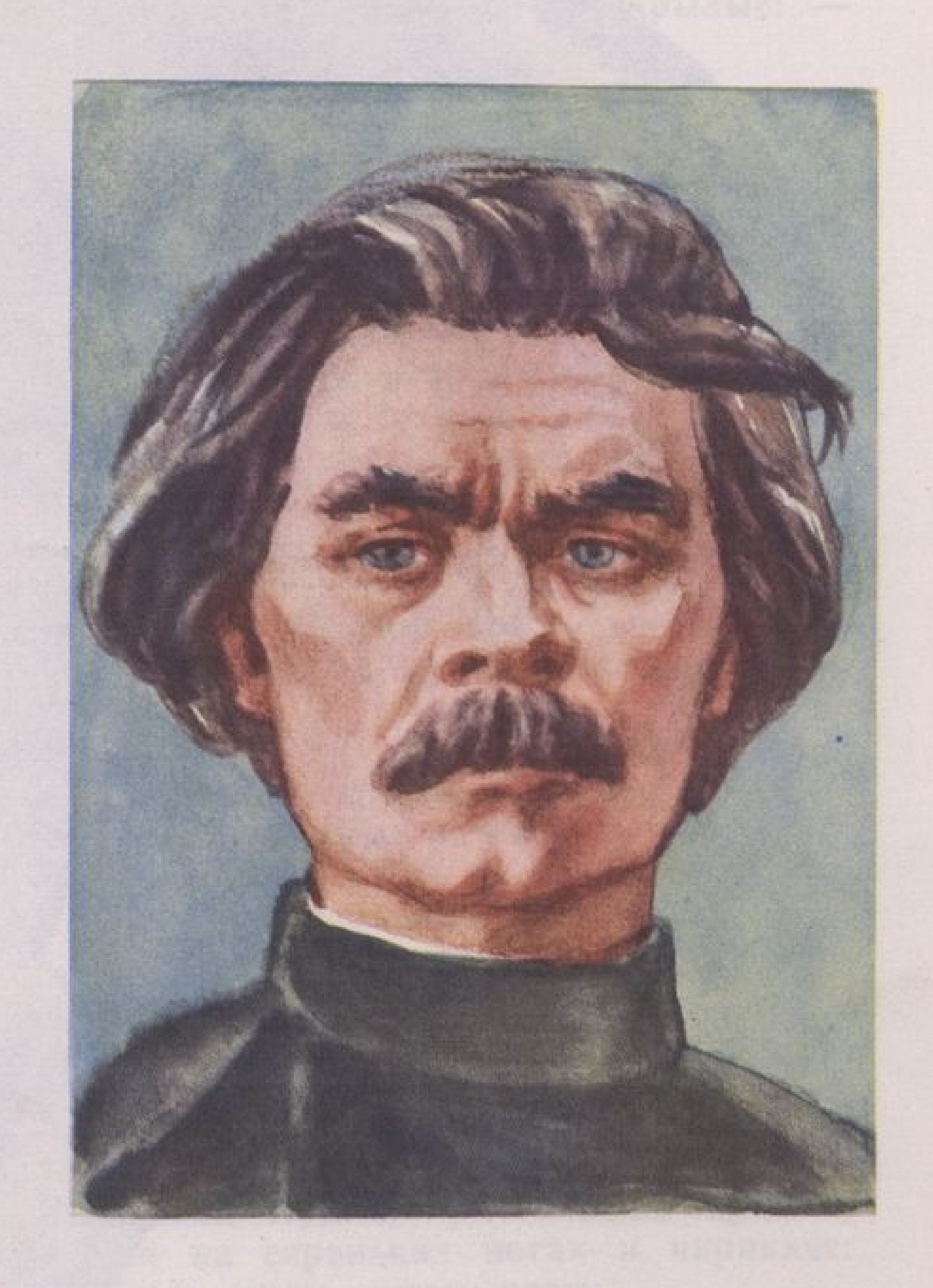
Веселей в пижаме
Рано-рано встать
И подарок маме
Принести в кровать.

Угадали сами
День любимый мой?
Это праздник мамин —
Марта день восьмой!

ВЕЛИКИЙ ПРОЛЕТАРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МАКСИМА ГОРЬКОГО

М. КОРШУНОВ
Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Он был высокого роста, в большом широком пиджаке, шляпе, в руках палка, о которую он опирался, когда медленно шёл по улице.

Его знали все. И не только в нашей стране, а и во всех других странах. Во всём мире.

Он говорил низким спокойным голосом. Букву «О» выговаривал крупно и отчётливо. И ещё у него были усы. Такие же «крупные и отчётливые», как и его буква «О».

Звали этого человека — Максим Горький (Алексей Максимович Пешков).

Он был знаком с Чеховым и Толстым. Дружил с Владимиром Ильичём Лениным. Встречался с ним, и они подолгу беседовали — великий вождь пролетарской революции и великий пролетарский писатель.

Детство и юность Алексея Максимовича прошли на Волге, русской реке, которая из конца в конец пересекает нашу страну.

Алёша Пешков служил «мальчиком» при магазине, мыл посуду на пароходе, был учеником иконописной мастерской, играл в ярмарочном театре. Был грузчиком, пильщиком, молотобойцем, пекарем. Он, как и могучая русская река, прошёл через всю страну. Он хотел видеть и знать, как живёт народ, о чём думает, о чём мечтает. Он учился не в университете, а у самой жизни.

После тяжёлой работы он где-нибудь в каморке читал книги и начинал сам писать свои первые рассказы и поэмы.

Его строки не всегда были только горькими, они были и жизнеутверждающими. Он, как сокол, готов был подняться ввысь, чтобы увидеть над Россией чистое небо и яркое солнце. Но он понимал: чтобы победить, нужна сила народная, единая и могучая, как весеннее половодье на могучей Волге. Сила, от которой трещало и разваливалось бы всё царское и помещичье, фабрикантское, купеческое и поповское.

И нашлась такая революционная сила и затопила бушующим половодьем Россию. Свершилась социалистическая революция. И небо очистилось, и засверкало яркое солнце!

Алексей Максимович за свою жизнь написал очень много рассказов, поэм, пьес, повестей, романов. Они известны всем людям всей земли — «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Детство», «В людях», «Мать», «Сказки об Италии», «Челкаш», «На дне» и другие.

Когда вы, ребята, подрастёте, вы познакомитесь со многими из этих произведений в школе, с постановками пьес Горького в театрах. Вы его не видели, но, я уверен, вы бы его узнали, если бы он появился — высокий и немного сутулый, в большом широком пиджаке и с палкой, о которую он опирался, когда медленно шёл по улице, и ещё потому, что он выговаривал букву «О» крупно и отчётливо. И у него были усы, такие же «крупные и отчётливые», как и его буква «О».

ВОРОБЬИШКО

М. ГОРЬКИЙ

Рис. Э. БУЛАТОВА, О. ВАСИЛЬЕВА

У воробьёв совсем так же, как у людей: взрослые воробьи и воробьихи — пичужки скучные и обо всём говорят, как в книжках написано, а молодёжь — живёт своим умом.

Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик, а жил он над окошком бани, за верхним наличником, в тёплом гнезде из пакли, моховинок и других мягких материалов. Летать он ещё не пробовал, но уже крыльями махал и всё выглядывал из гнезда: хотелось поскорее узнать, что такое божий мир и годится ли он для него?

— Что, что? — спрашивала его воробьиха-мама.

Он потряхивал крыльями и, глядя на землю, чирикал:

— Чересчур черна, чересчур!

Прилетал папаша, приносил букашек Пудику и хвастался:

— Чив ли я?

Мама-воробьиха одобряла его:

— Чив, чив!

А Пудик глотал букашек и думал: «Чем чванятся — червяка с ножками дали — чудо!»

И всё высовывался из гнезда, всё разглядывал.

— Чадо, чадо, — беспокоилась мать, — смотри — чебурахнешься!

— Чем, чем? — спрашивал Пудик.

— Да не чем, а упадёшь на землю, кошка — чик! И — слопает! — объяснял отец, улетая на охоту.

Так всё и шло, а крылья расти не торопились.

Подул однажды ветер — Пудик спрашивает:

— Что, что?

— Ветер дунет на тебя — чирик! и сбросит на землю — кошке! — объяснила мать.

Это не понравилось Пудику, он и сказал:

— А зачем деревья качаются? Пусть перестанут, тогда ветра не будет...

Пробовала мать объяснить ему, что это не так, но он не поверил — он любил объяснять всё по-своему.

Идёт мимо бани мужик, махает руками.

— Чисто крылья ему оборвала кошка, — сказал Пудик, — одни косточки остались!

— Это человек, они все бескрылые! — сказала воробьиха.

— Почему?

— У них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на ногах прыгают, чу?

— Зачем?

— Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с папой мошек.

— Чушь! — сказал Пудик. — Чушь, чепуха! Все должны иметь крылья. Чать на земле хуже, чем в воздухе!.. Когда я вырасту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме; он ещё не знал, что, если маме не верить, это плохо кончится.

Он сидел на самом краю гнезда и во всё горло распевал стихи собственного сочинения:

Эх, бескрылый человек,
У тебя две ножки,
Хоть и очень ты велик,
Едят тебя мошки!
А я маленький совсем,
Зато сам мошек ем.

Пел, пел, да и вывалился из гнезда, а воробьиха за ним, а кошка — рыжая, зелёные глаза — тут как тут.

Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на сереньких ногах и чирикает:

— Честь имею, имею честь...

А воробьиха отталкивает его в сторону, перья у неё дыбом встали — страшная, храбрая, клюв раскрыла — в глаз кошке целит.

— Прочь, прочь! Лети, Пудик, лети на окно, лети...

Страх приподнял с земли воробьишку, он подпрыгнул, замахал крыльями — раз, раз, и — на окне!

Тут и мама подлетела — без хвоста, но в большой радости, села рядом с ним, клюнула его в затылок и говорит:

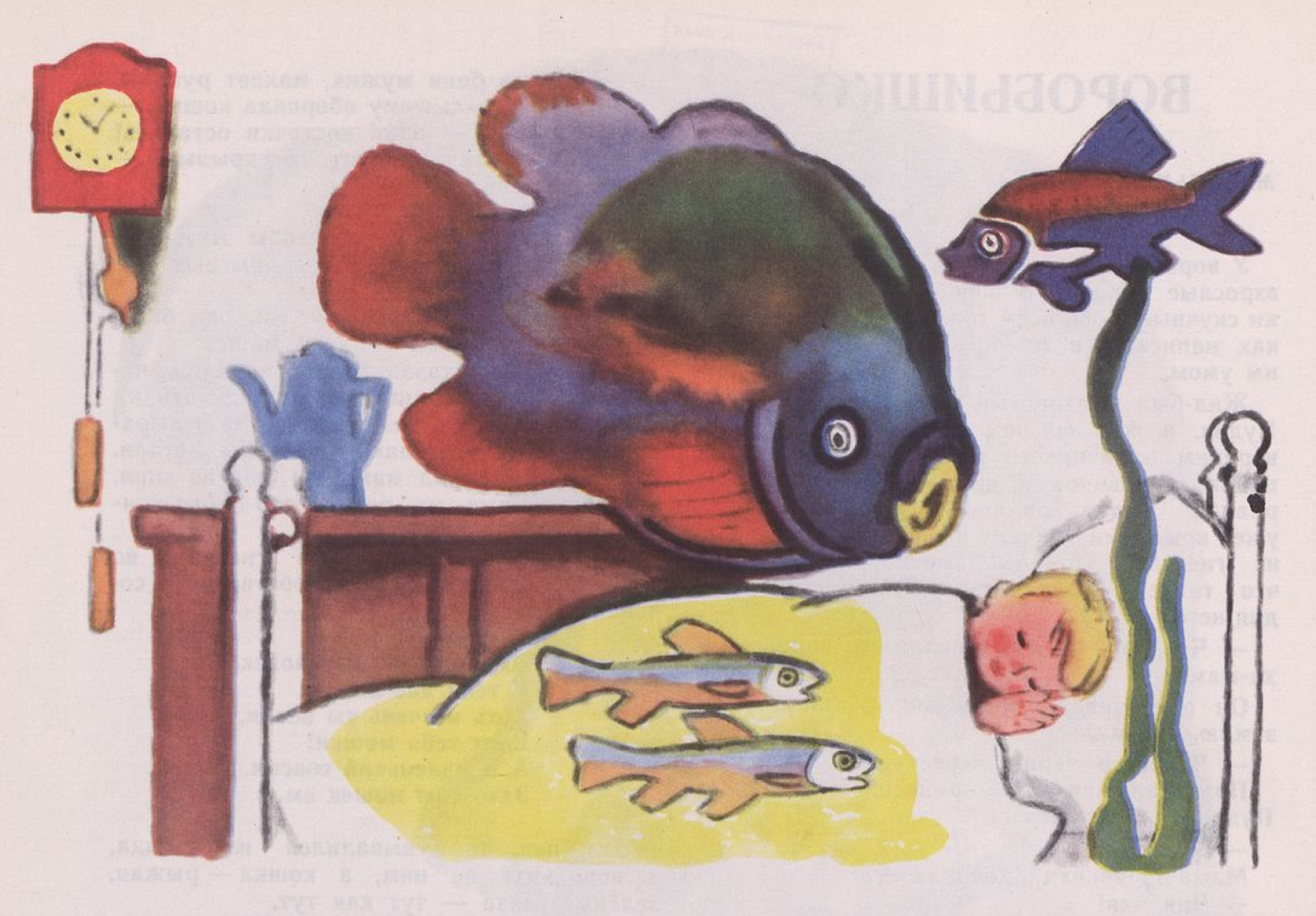
— Что, что?

— Ну, что ж! — сказал Пудик. — Всему сразу не научишься!

А кошка сидит на земле, счищая с лапы воробьихины перья, смотрит на них — рыжая, зелёные глаза — и сожалительно мяукает:

— Мя-аконький такой воробушек, словно мы-ышка... мя-увы...

И всё кончилось благополучно, если забыть о том, что мама осталась без хвоста...

ЛИНЬКА

С. РОМАНОВСКИЙ *Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА*

Капитаны речных судов и зимой при деле — готовят корабли к плаванию, обучают команду и тоскуют по чистой открытой воде.

А как они тоскуют?

По-разному. Славкин отец, например, тоскует так. Он говорит Славкиной маме, что пойдёт в магазин за папиросами, а сам без лыж, проваливаясь в снегу, свернёт к реке Каме.

Там непременно отыщет прорубь. Если она замёрзла, палкой расколотит лёд и смотрит, смотрит, как дрожит вода. Насмотрится, вздохнёт — и домой. А дома спрашивают:

— Не случилось ли что? Иди к печке греться. Замёрз совсем...

Отец рад бы объяснить, где был, и улыбнуться, да сразу не получается. Морозом губы свело, не слушаются.

Вот и сегодня отец пришёл весь красный с мороза, как огненный. Пока Славка ждал, когда оттает его улыбка, отец вытащил из карманов меховой куртки мёрзлых рыб — три белые и одну золотую — и бросил их в таз. Рыбы звякнули, как ледышки, и остались лежать негнущиеся, с выпученными глазами.

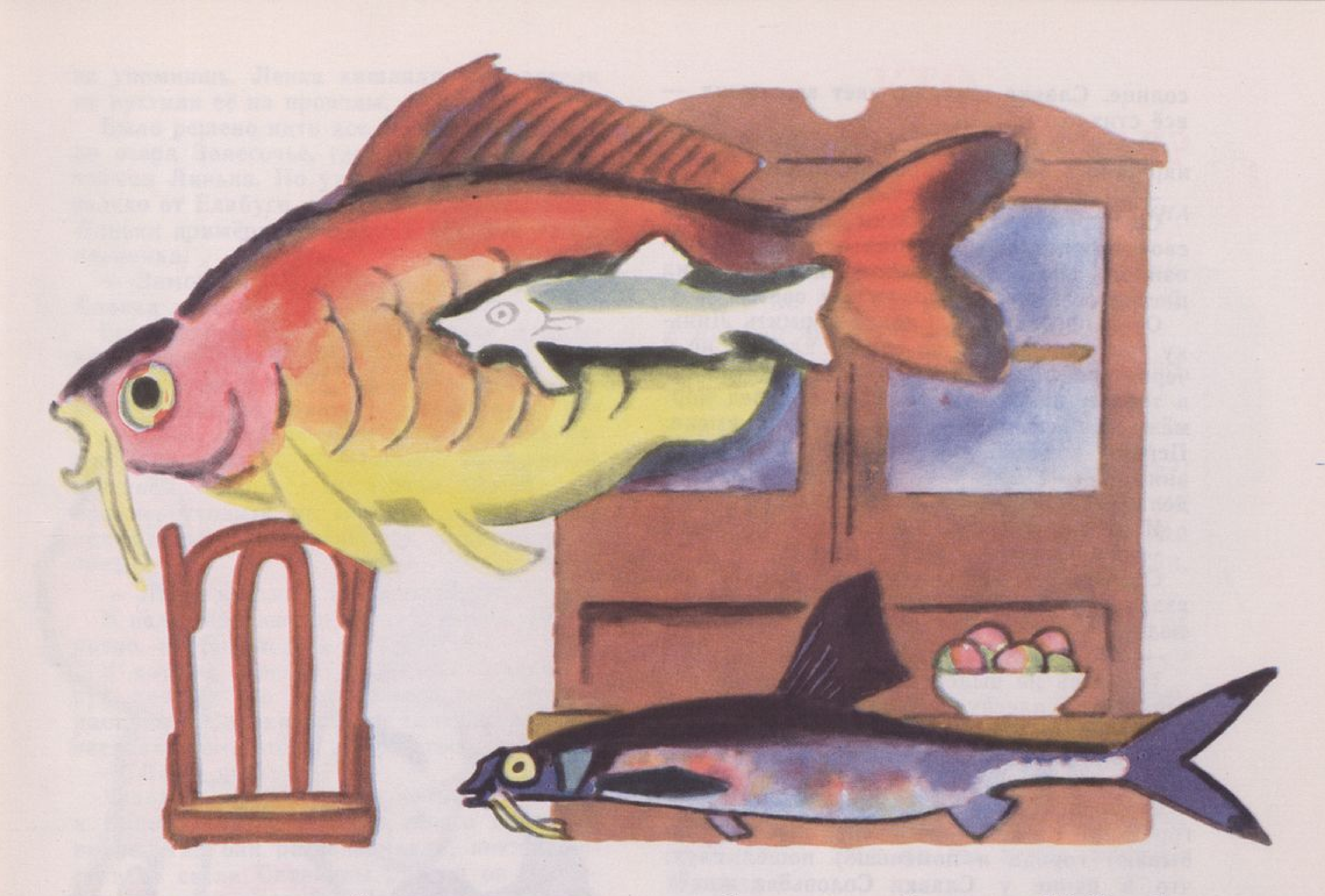
— Где поймал, папка? — спросил Славка.

— Рыбаки в озере Запесочье бредень тянули. Попросили меня помочь. Я помог, вот они мне и дали рыбы. Давали больше, да я не взял.

— Как это тянули? — спросил Славка.

— Прорубили рыбаки прорубь. Опустили в неё бредень на длинных шестах. Шесты вытянули подо льдом. Для них пробили специальные лунки, через всё озеро, чтобы бредень можно было за шесты тащить вперёд, как нитку за иголкой. Зимой вода чистая, водоросли не мешают: они сели на дно. И рыба спокойнее, в сон её клонит.

Тем временем мать выпотрошила три белые рыбы и взялась за последнюю — золотую, но золотая рыба вырвалась из рук

прямо в таз и так заработала хвостом, что всю маму забрызгала.

— Мы эту рыбу жарить не будем! — сказал Славка.

Ленка, сестрёнка его, первоклассница, обрадовалась:

— Мы её сварим!

— А уха из линя сла-а-адкая!.. — протянул отец.

У Славки выступили слёзы на глазах, он вынес из-за печки железную ванну, наполнил водой и пустил в неё золотую рыбу.

Рыба тут же ушла на дно и затаилась там. Вся семья собралась у ванны, и каждый высказался, чем кормить пленника.

— Колбасу и конфеты он есть не станет, — рассудил отец. — Но от хлеба не откажется.

Ленка подтвердила:

— Конечно, не откажется.

Мать покрошила в ванну белого хлеба, но линь не обратил на это никакого внимания.

Ночью Славке снилось озеро, колыхались зелёные водоросли и задевали за лицо. Рыбы подплывали к самым глазам и спрашивали:

— Как там наш Линька живёт? Не обижаете его?

— Не обижаем, — отвечал Славка. — Зачем обижать?

Всё обошлось бы хорошо, если бы не толстая рыба, которая пристала с одним и тем же вопросом:

— А как аппетит у Линьки?

Славка врать не привык.

— Кормим мы его, — бормочет он.

— А ну-ка посмотри мне прямо в глаза, — повышает голос толстая рыба, и чёткие, злые слова вылетают из её круглого рта: — Его надо кормить отборными моллюсками: американскими, английскими, австралийскими...

— Чего же это все на «а»? — не выдержал Славка.

— Дерзить! — взвизгивает рыба и жирным скользким хвостом бьёт Славку по щекам. Он тут же просыпается и слышит, как Линька плещется в ванне. Пошатываясь со сна, идёт на плеск. В кухне горит свет, а в ванне разгулялся Линька, золотые бока показывает, вымётывается из воды, электрическую лампочку принимает за

солнце. Славка постоял, свет выключил — всё стихло.

Утром Славка проведал Линьку и не обнаружил в ванне ни крошки хлеба.

— Линька съел! Значит, жить будет!

Со временем у Линьки обнаружились свои привычки: он любил уголок оцинкованного дна, где чернело пятно, любил плескаться при электрическом свете.

Отец посоветовал Славке кормить Линьку три раза в день не только хлебом, но и червяками-навозниками, которые живут в тёплом навозе под снегом, а перед кормёжкой ласково называть рыбу по имени. Первую неделю линь не обращал особого внимания на Славкин голос. Во вторую неделю стал беспокоиться.

И однажды:

— Ли-и-инька! Ли-ли-иинька!

Славкина тень упала на воду. Рыба вздрогнула, проплыла около дна туда, сюда.

— Ли-ли-иинька!

Тут линь не выдержал, поднялся на поверхность, плеснулся раз-другой и давай тыкаться в Славкины ладошки: крошки собирать или приласкаться, кто же его знает?

С тех пор по всей Елабуге (есть такой город на Каме — не очень большой, но бывают города и поменьше) пошёл слух, что в ванне у Славки Соловьёва живёт учёная рыба. Здесь побывали все его одноклассники и даже ребята из старших классов.

Ближе к весне Линька захворал. Он стал вялым, а на приглашение только вилял хвостом, как больной пёс. Отец объяснил: Линька занедужил от тоски. У него там, на озере, родные и друзья остались, и он скучает по ним да по вольной воде, тесно ему здесь.

В эту ночь в кухне перегорела лампочка, но Славка проснулся оттого, что в кухне всё-таки горел свет.

Со свечкой, которая сохранилась ещё с новогодней ёлки, Ленка стояла у ванны и разговаривала с рыбой:

— Ты, Линька, не умирай. Мы тебя в прорубь опустим, к твоей жене и к отцу с матерью.

Славка не подал виду, что слышит, а на другой день сказал родителям, что Линьку надо отпустить, на что получил согласие.

После занятий провожать пленника пришло много народу, все Славкины друзья: Альберт Хузиахметов, Шурик Поселяющих, Николай Крюков и другие — всех и

не упомнишь. Ленка кашляла, и родители не пустили её на проводы.

Было решено идти все десять километров до озера Запесочье, где в своё время был пойман Линька. Но уже у речки Тоймы, недалеко от Елабуги, обнаружилось, что хвост Линьки примёрз к бидону, в котором несли пленника.

— Заморозили человека, — огорчился Славка и стал дышать на хвост.

Его сменили ребята. Отдышали ледышку, и хвост благодарно замахал.

У проруби Славка снял варежки, осторожно вынул Линьку; поцеловал его в смешные вывороченные губы, у самой воды разжал руки... И Линька, увлекаемый течением, скрылся в глубине. Ребята собрались уходить, но Славка сказал, чтобы подождали, и, нагнувшись к проруби, стал звать:

— Ли-ии-иинька! Ли-ии-иинька!

В воде забрезжило золотое пятно. Пятно росло, пробивалось к поверхности.

И вот он, Линька, у самых Славкиных рук, течение его сносит, плавники перебирает, он в Славкины руки тычется, взмахивает хвостом, чтобы удержаться.

— Ли-ии-иинька!

Холодно, студёно рукам, слёзы на глазах, а Славка терпит и зовёт своего друга по имени. Так они разговаривали, пока судорога не свела Славкины руки и он не вытащил их из проруби. Линька подержался ещё немного на быстрине и не спеша ушёл под воду.

Ребята постояли над прорубью и разошлись по домам.

Ленка выздоровела через четыре дня. Она оделась потеплее и вместе со Славкой пошла к проруби. Долго они стояли над тойменской водой, долго звали Линьку. Но никто не всплыл, чернела вода, как неживая.

Упала на них синяя тень, да такая длинная — на ту сторону проруби протянулась. Обернулись — отец стоит, и не в шапке, а в капитанской фуражке с «крабом», улыбается, и не надо ждать, когда у него улыбка оттает — тепло на воле.

— Видите, — сказал отец, — тени какие синие. И снег пористый. И прорубь без шуги который день. К весне дело.

— А Линька? — спрашивает Ленка, варежкой загораживаясь от солнца.

— А Линька? Чего ему в проруби делать? Он далеко уплыл — в Каму, в затон. Весну встречать! И нам скоро в плаванье.

КТО КОПЫТО ПОТЕРЯЛ?

Э. ШИМ *Рис. В. ЛОСИНА*

Шнырял Зайчонок по лесу, видит — на поляне пень стоит гнилой, а на пне чьё-то большое копыто.

Серое, гладкое копыто с коричневым ободком. Новенькое!

Ахнул Зайчонок:

— Это кто же копыто потерял?! Вот ротозей-то, а? Небось теперь на трёх ногах ковыляет, плачется, да найти не может. Выручить, что ли, беднягу?

Сидит Зайчонок, раздумывает: чьё такое большое копыто? Какого зверя?

Из ельника выбегает на поляну Кабан. Длинное рыло к земле опустил, пятачком вертит, нюхает. Будто ищет чего-то.

— Дяденька Кабан! — Зайчонок кричит. — Это не ты здесь копыто потерял?

Хрюкнул Кабан.

— Почему думаешь, что я потерял? Ась?

— Да ты, дяденька, подслеповатенький! Небось и потерял!

— Хрюк! — Кабан говорит.— Насмешил. Я, может, лучший бегун в лесу! У меня копыта — хрю! — специальные. Сквозь такой бурелом проскочу, где все другие застрянут. По болотам сигаю. По кустам-камышам. Во у меня копыта какие, гляди!

Поглядел Зайчонок — верно, особенные копыта у Кабана. Вострые. Долгие. И раздвоенные. Совсем не похожи на оброненное...

«Нет, — думает Зайчонок, — это кто-то другой потерял. Что ещё за звери есть с копытами?»

Выпрыгнула на полянку лесная Коза. Приседает на ножках, оглядывается. Уши торчком.

— Тётенька, — Зайчонок кричит, — не ты здесь копыто потеряла?

— А почему думаешь, что я?

— Да ты, тётенька, пугливая! Небось с перепугу и потеряла!

Смеётся Коза.

— Ах ты, — говорит, — несмышлёный! Разве у меня такие копытца? У меня точёные, лёгонькие! Я ведь — глянь-ка! — прямо по воздуху летаю!

Поглядел Зайчонок — верно, копытца у Козы как игрушечки. Совсем непохожи на оброненное. Значит, кто-то другой потерял. Что за зверь в лесу с большими копытами, неуклюжими?

Шагает через полянку Лось. Горбоносую голову нагнул, будто высматривает чего-то. Бородой чуть не по земле метёт.

— Дедушка Лось! — кричит Зайчонок. — Это не ты здесь копыто потерял?

— Почему, пострел, на меня думаешь?

— Да ты, дедушка, старенький, забывчивый. Небось и потерял!

Качнул бородой Лось, усмехнулся.

— Я, — говорит, — зимой рога теряю. Это верно. Это со мной бывает...

— Вот, вот! Я и говорю! Потеряешь, дедушка, а найти не можешь!

— А я и не ищу. Весной у меня новые рога появляются. Будут ещё больше да грозней... А копыт мы, лоси, не теряем. Нет у нас такого обычая. Гляди-ка, я на своих копытах по трясине шагаю. Как на лыжах! Нужда придёт — оборониться копытом могу. Хоть от Волка, хоть от Медведя. Мои копыта дорогого стоят!

Поглядел Зайчонок — верно, грозные у Лося копыта. И удобные, по ноге присадистые.

— Ну кто же, — тогда Зайчонок говорит, — кто же вот это копыто потерял? Эту лепёху нескладную?

— А никто не терял, — отвечает Лось.

— Да взялось-то оно откуда?!

Подскочил Зайчонок поближе, толкнул копыто, а оно не шевелится.

Подёргал, подёргал — не отзывается!

Приросло оно, что ли?!

И тут учуял Зайчонок, что от копыта лесным грибом пахнет.

— Да это же гриб, дедушка!!.

— Конечно, гриб, — отвечает Лось. — Гриб трутовик. Ни съесть его, ни к делу пристроить... Уж такое копыто никчемушное. Одному гнилому пню впору!

Из казахского

Рис. В. ПЕРЦОВА

ГОРСТОЧКА СОЛИ

В одном доме принимали гостя. Стали хозяева угощение готовить. Развели огонь, поставили на него котёл с мясом. А сами ушли по хозяйству хлопотать.

Хозяин хворост собирает.

Хозяйка тесто для лепёшек месит.

Дочка лук режет.

Бабушка хорошие советы даёт.

Так получилось, что гость один в юрте остался.

Через некоторое время входит в юрту хозяйка. Подошла к котлу, бросила в него горсточку соли.

Вышла хозяйка, дочка прибегает. Шмыгнула в угол, ещё горсточку соли положила.

Последней приковыляла бабушка. И она тоже мясо посолила.

Наконец сели обедать.

Попробовала бабушка мясо — горько!

Попробовала дочка — невкусно!

Хозяйка отведала — скривилась.

Хозяин откушал — выплюнул.

Удивились хозяева. Что такое? Почему мясо пересолено?

— Я только горсточку соли положила, — сказала бабушка.

— Я тоже горсточку, — удивилась дочка.

— А я думала, что вы обе про соль забыли, и тоже мясо посолила, — призналась хозяйка.

— А я, — сказал гость, — тоже горсточку соли бросил. Дай, думаю, ещё соли добавлю. Видно, в этом доме такой обычай — каждый в кушанье горстку соли кладёт!

ПОЛЬЗА КУРЕНИЯ

Молодой джигит пришёл просить совета у седобородого мудреца.

— Ата, я учусь курить. Как вы думаете, полезно ли это?

народного юмора

— Курение полезно по трём причинам, — ответил мудрец. — Во-первых, тот, кто курит, никогда не стареет...

— Почему?

— Потому, что тот, кто курит, не успевает состариться. Он умирает совсем молодым. Во-вторых, в его дом никогда не заберутся воры...

— Почему?

— Потому, что тот, кто курит, всю ночь ворочается в постели и громко кашляет. Воры слышат кашель хозяина и обходят дом стороной. Но это ещё не всё! Того, кто курит, никогда не укусит собака...

— Почему?

— Потому, что курящий человек рано становится калекой и ходит, опираясь на палку. А палки, сынок, самая злая собака испугается!

Старик хитро улыбнулся, а молодой человек задумался.

ЛЕНТЯЙ

Шёл лентяй по дороге. Шёл, шёл, оступился, за корягу зацепился — бряк на дорогу!

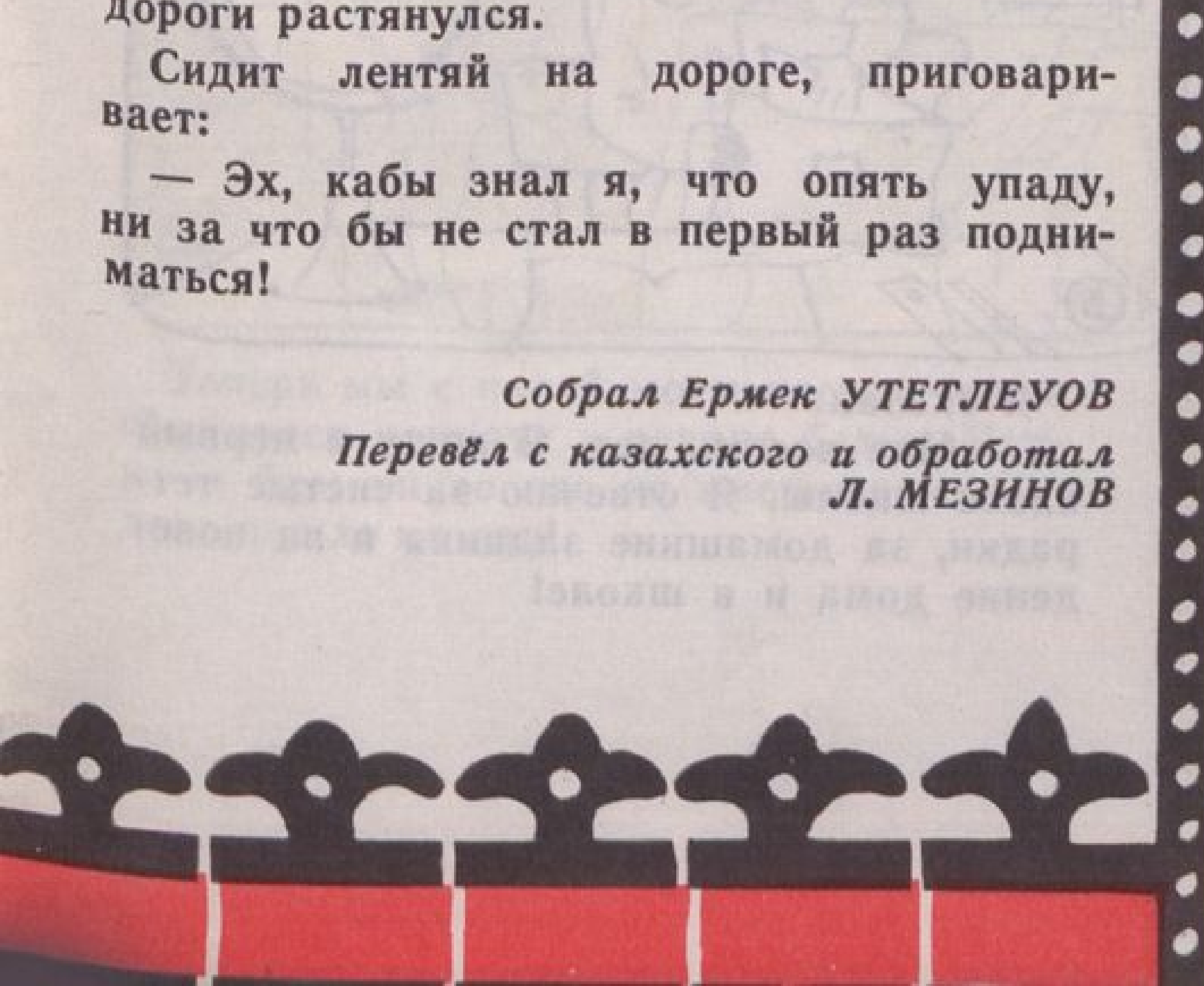
Встал лентяй, отряхнулся, дальше пошёл. Шёл, шёл, поскользнулся, поперёк дороги растянулся.

Сидит лентяй на дороге, приговаривает:

— Эх, кабы знал я, что опять упаду, ни за что бы не стал в первый раз подниматься!

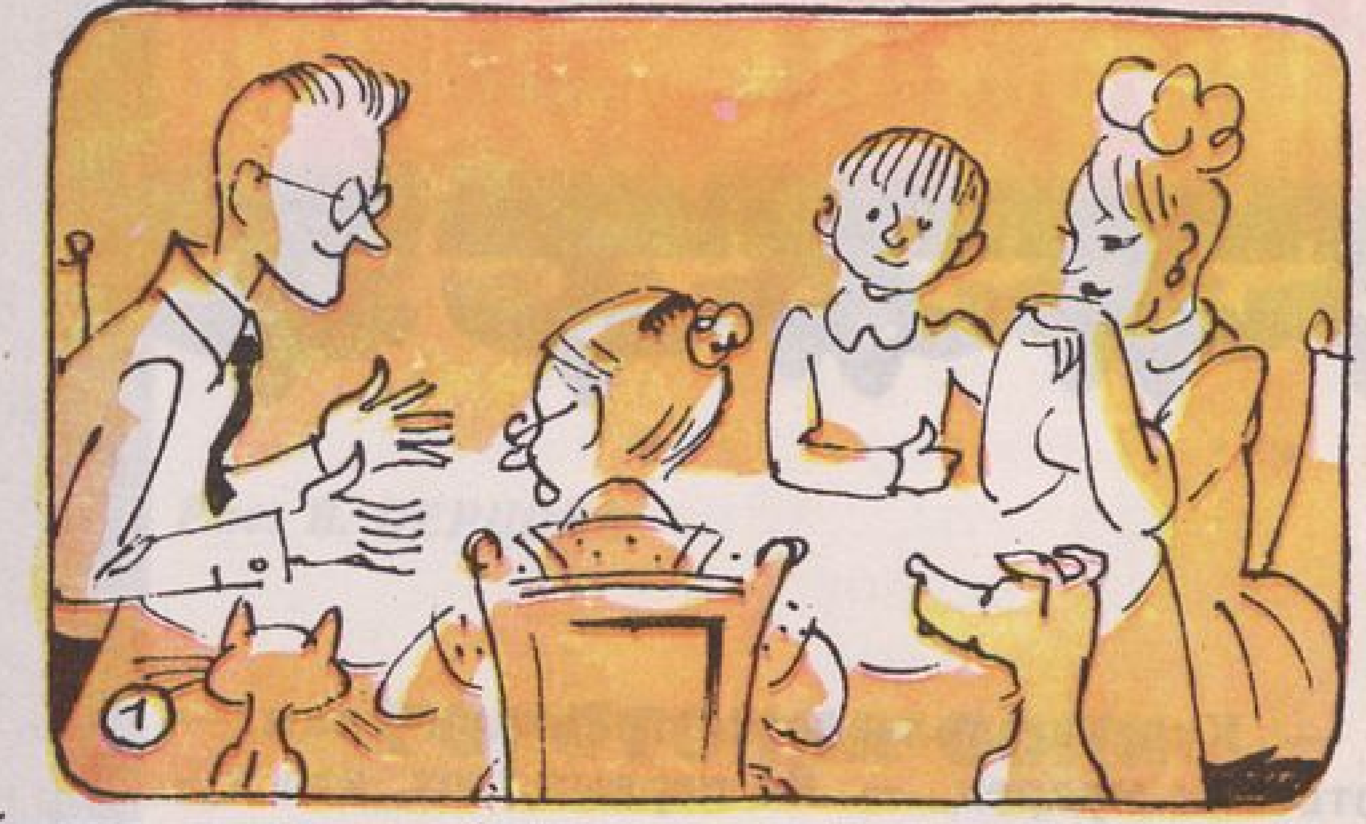
Собрал Ермек УТЕТЛЕУОВ

Перевёл с казахского и обработал Л. МЕЗИНОВ

В. ОСЕЕВА *Рис. А. ИТКИНА*

КТО ЗА ЧТО ОТВЕЧАЕТ?

Мы сели за круглый стол: бабушка, папа, мама, я, наша собака Бум и кошка Мурка.

Мы все уходим из дому, оставляя неубранные постели, грязную посуду после завтрака, неподметённые комнаты. Бабушка старенькая и со всем не управляется. Надо решить, кто будет отвечать за чистоту и порядок в доме.

Папа сказал:

— Я начальник цеха. Мне поручено это дело, и я за него отвечаю.

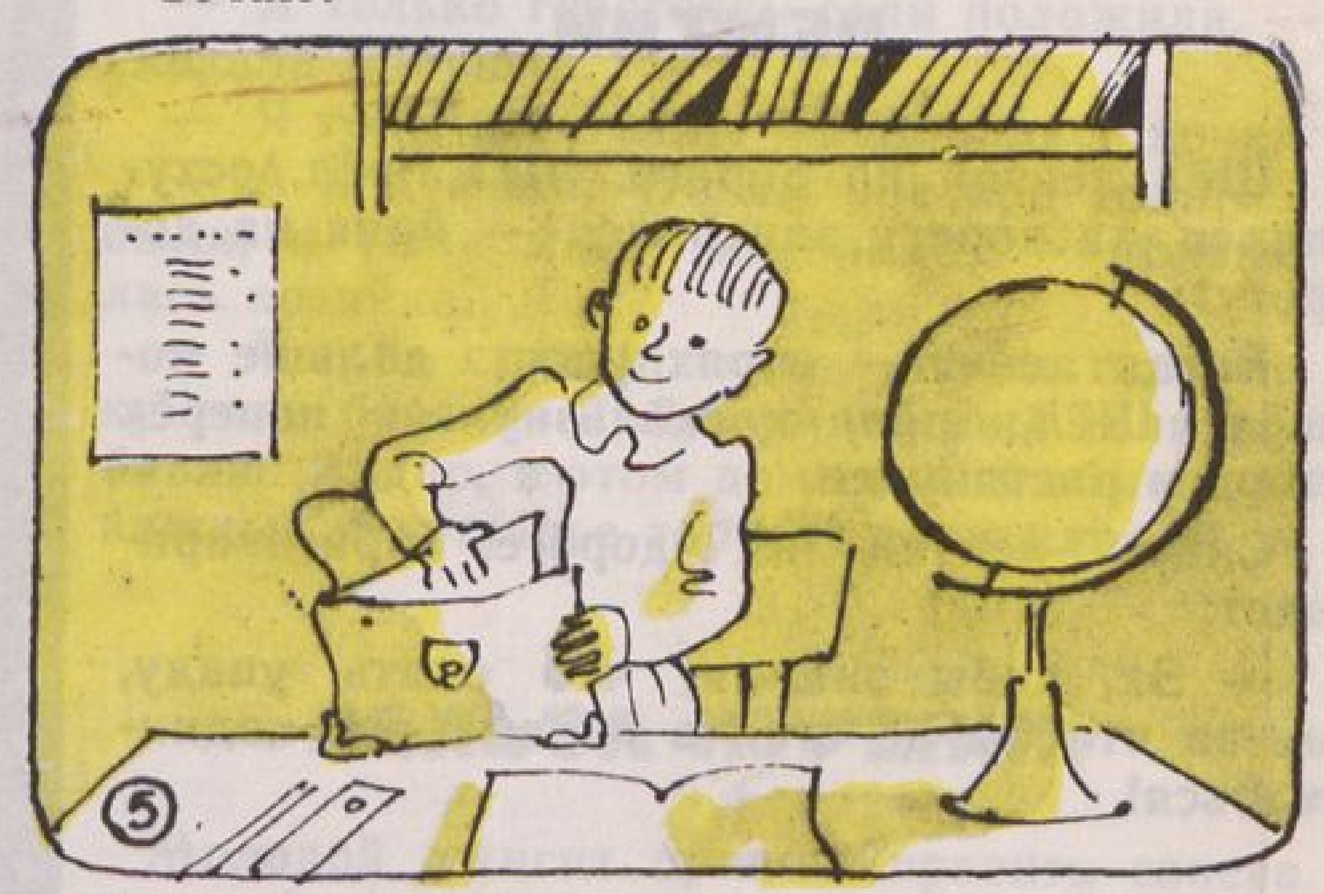
Мама сказала:

— Я работаю машинисткой, мне поручено это дело, и я должна печатать чисто, грамотно, успевать в срок — я отвечаю.

Бабушка сказала:

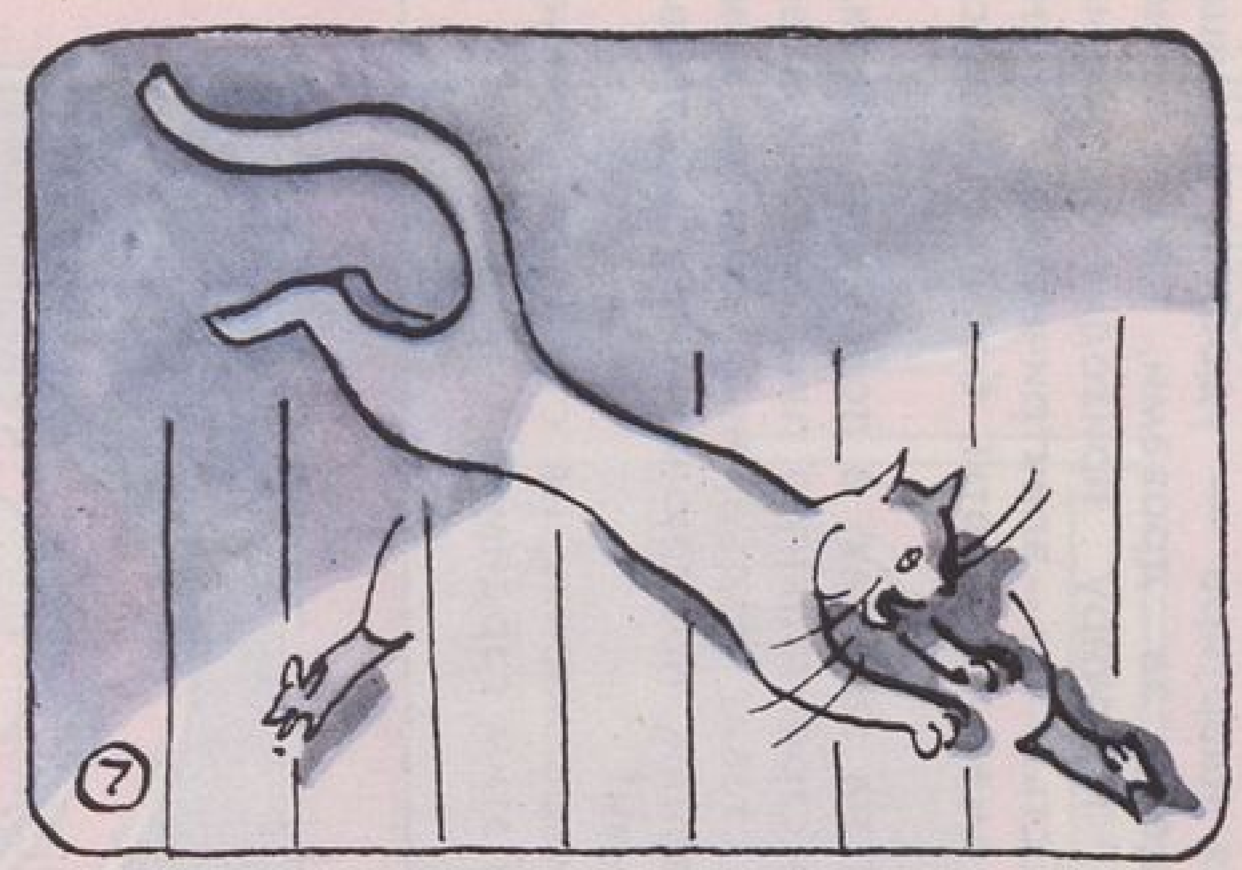
— Я отвечаю за вкусный обед и завтрак; я должна всё приготовить и кормить вас в установленные часы.

Я сказал:

— Мне восемь лет. Я хожу в первый класс школы. Я отвечаю за чистые тетрадки, за домашние задания и за поведение дома и в школе!

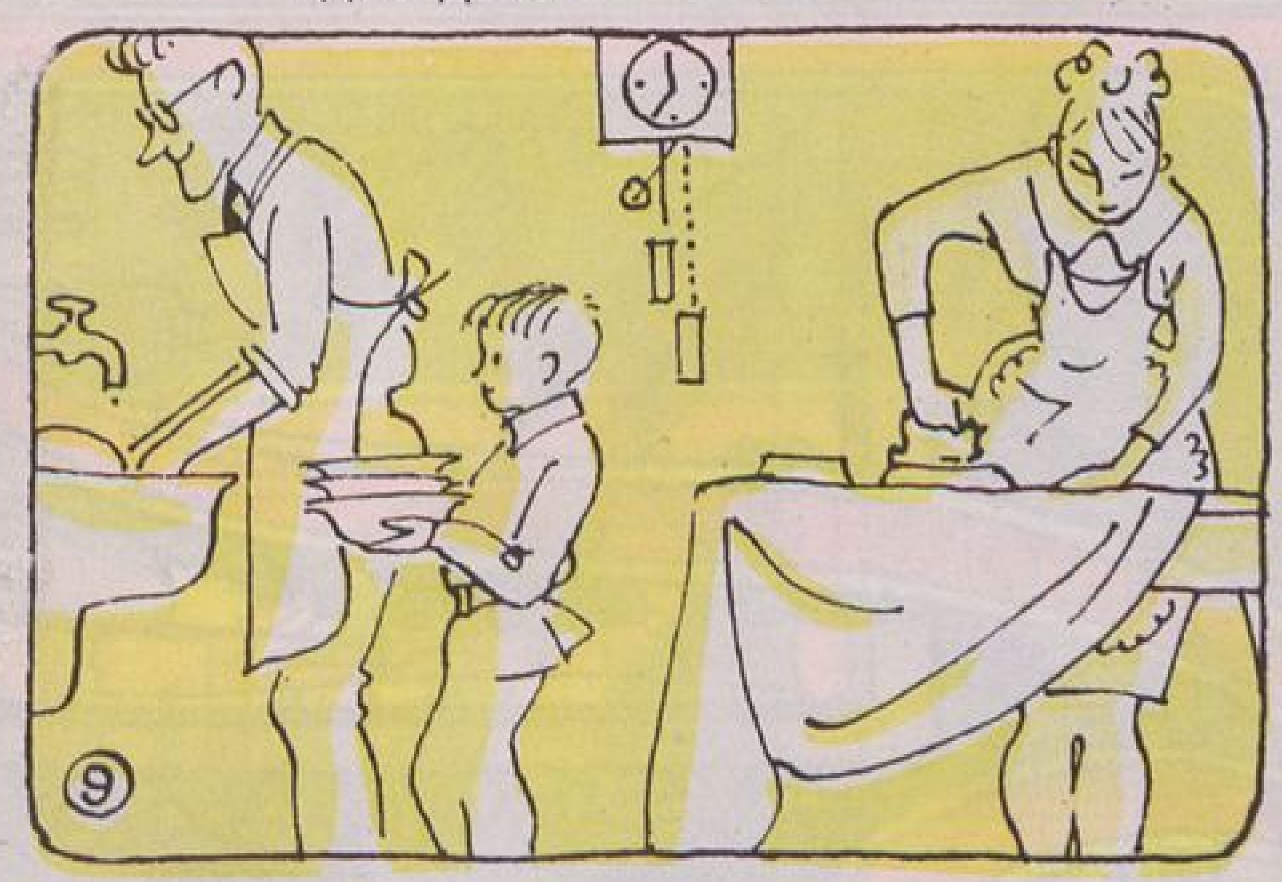

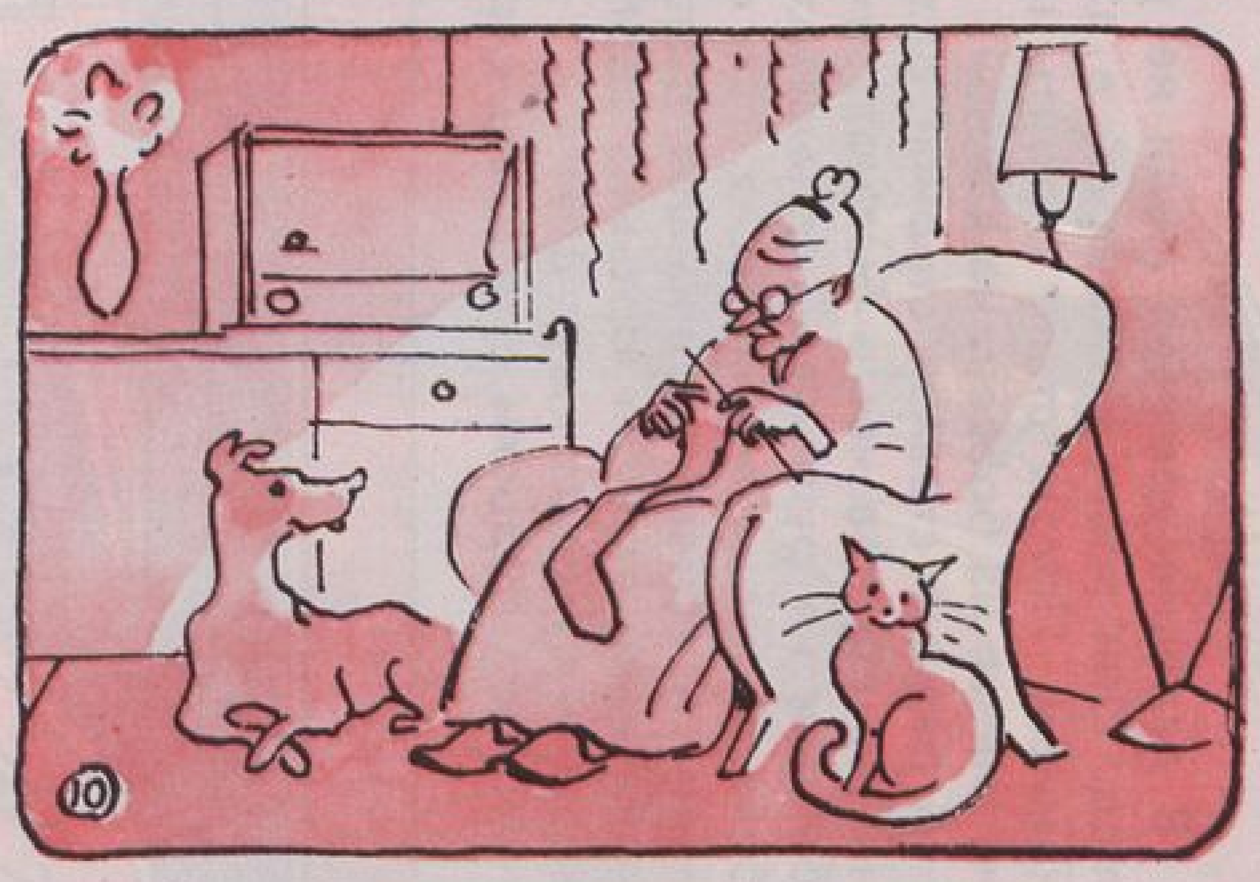
Бум сказал:
— Я хожу с бабушкой на рынок и ношу ей корзинку; я сторожу дом и отвечаю за сохранность нашего имущества.

Мурка сказала:
— Я отвечаю за то, чтобы в доме не было мышей.

Мы решили прибирать все вместе. И вот что у нас получилось. Каждый хватался за что попало, а Мурка и Бум носились по квартире как полоумные. Мы все опоздали: папа в свой цех, мама на работу, а я в школу. Бабушка сказала: это с непривычки, пусть каждый делает одно дело.

Теперь мы с папой моем посуду, мама прибирает комнату и гладит белье, Мурка и Бум ни во что не вмешиваются, и дело пошло на лад!

После обеда наша бабушка отдыхает в кресле, вяжет носки и беседует с Муркой и Бумом о текущих новостях. А мы все очень довольны!

ЖИЛИЩЕ

С. ГУЩЕВ

В далёкие времена люди не умели строить себе жилищ. Они жили в пещерах, а вход на ночь заваливали камнем. Потом стали строить шалаши из веток, дома из глины, из брёвен, из камней.

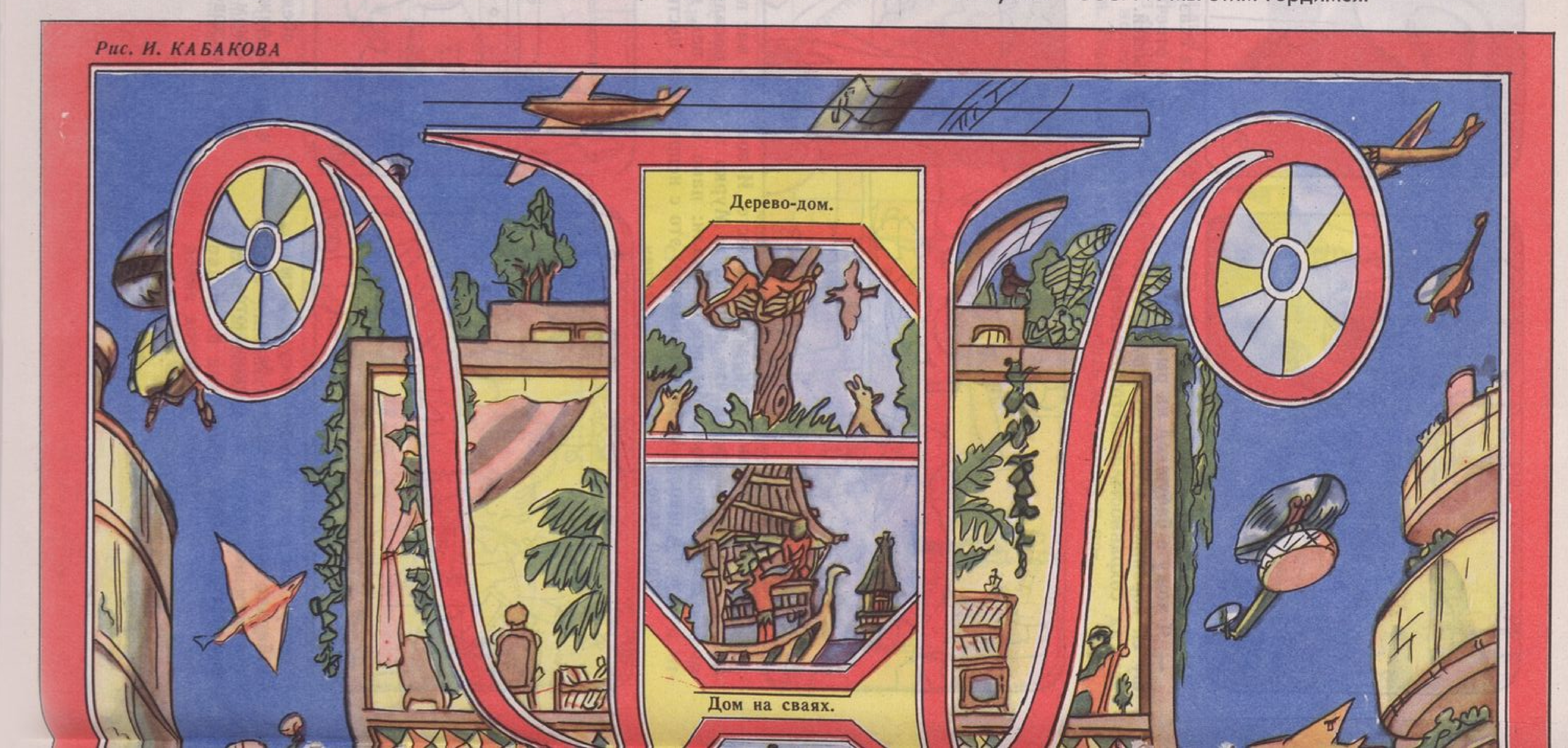
В разных странах строили разные жилища. В Японии, например, где часто бывают землетрясения, дома, чтобы они не рушились, делали из лёгкого, гибкого бамбука. В тропических лесах, где сыро и много змей, хижины и сейчас поднимают повыше, на сваи. В степях кочевники ставили юрты из верблюжьих шкур, а на севере — чумы из шкур оленя.

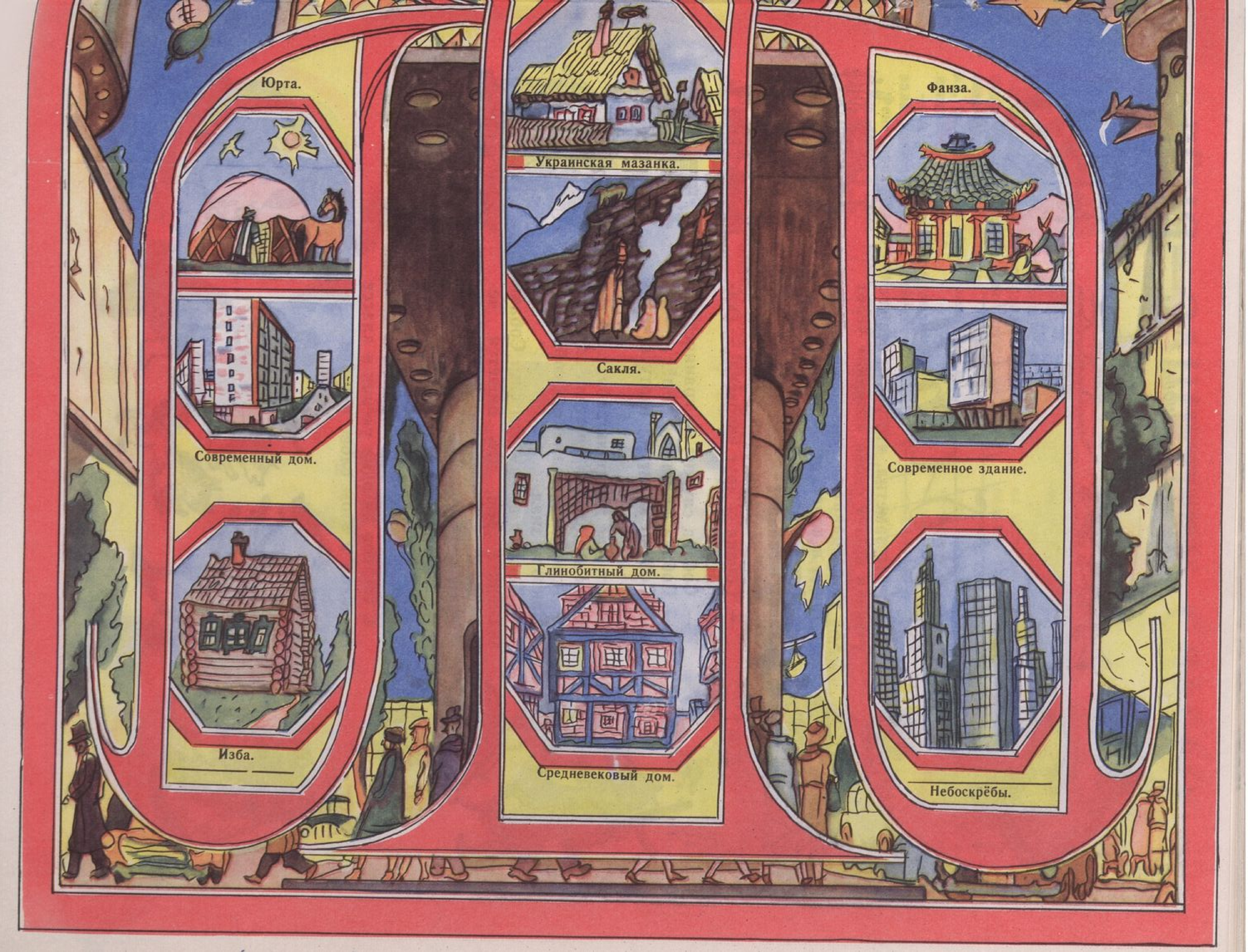
Но вот выросли огромные города. Домам стало тесно. Тогда-то появились многоэтажные сооружения. Под одной крышей в таком доме сразу 50, 100 и даже 300 квартир. И каждая квартира — удобное жилище. Не надо ходить за водой, за дровами, топить печку. По трубам в каждую квартиру приходит холодная и горячая вода, газ. Есть тут электричество, кухня, ванная, во многих домах — лифты, балконы, мусоропровод.

Дома теперь делают на заводах, а потом, по частям, как кубики, привозят на строительную площадку и здесь собирают. Привозят и ставят подъёмным краном даже целые квартиры. Поставили, подключили трубы, провода — и, пожалуйста, живи!

Ни в одной стране мира жилищ не строится столько, как у нас в СССР. И мы этим гордимся.

Рис. И. КАБАКОВА

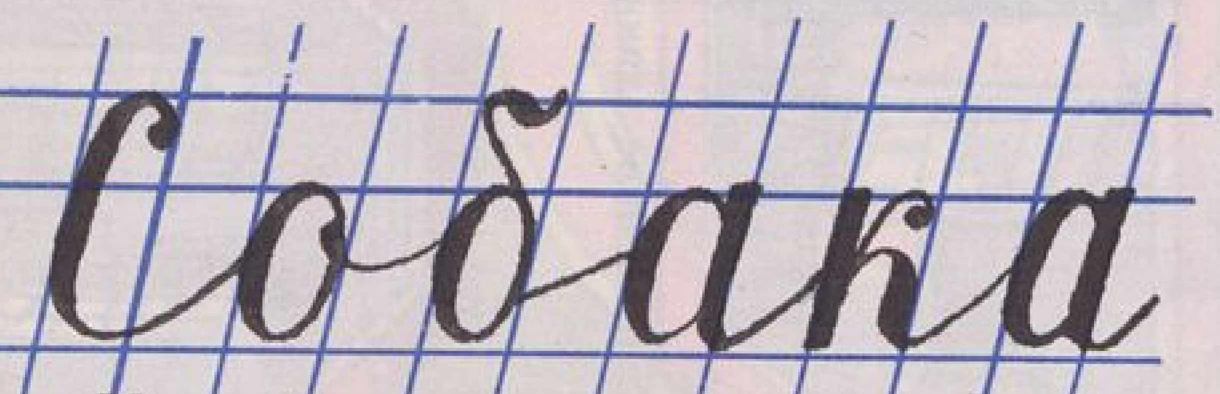
Юрта.
Современный дом.
Изба.
Украинская мазанка.
Сакля.
Глинобитный дом.
Средневековый дом.
Фанза.
Современное здание.
Небоскрёбы.

А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ
Рис. М. МЕЖЕНИНОВА

Собака

Учитель заметил, что почти все его ученики пишут слово «собака» через «а» — «сабака».

Придя в класс, он спросил:

— Кто из вас может сказать, чем славятся собаки?

Ребята подняли руки.

— Собака — друг человека! — сказал один.

— Собака служит на границе!

— Собака сторожит дом!

— Собака ходит на охоту с человеком!

Много ещё говорили ребята, но когда они замолчали, учитель спросил:

— А чем ещё знаменита собака?

Никто не знал.

— Тогда я скажу вам сам. Собака знаменита тем, что пишется через «о».

Учитель взял мел и написал на доске большими буквами:

«СОБАКА».

С тех пор ни один ученик в классе не делал в этом слове ошибки.

ЛЁНЯ — ЗАЩИТНИК СЛАБЫХ

Окончание

Л. ВОРОНКОВА ***Рис. Н. УСТИНОВА***

ВОТ И КОРНЕЙ ЗАПЛАКАЛ!

Незаметно проходили летние дни. Лёне казалось, что они идут, взявшись за руки, будто в хороводе. Или как цветы в венке — синие, розовые, золотые... Синие, как река, розовые, как утро, золотые, как солнышко.

— А у нас скворчата вылетели! — сказала как-то Феня. — Смешные такие!

Феня приходила домой по своим делам. А когда собралась опять на ферму, Лёня отправился с ней.

Аринка сейчас же увидела, что Лёня пошёл с Феней.

— Лёня, на озеро?

— На озеро!

— И я!

Дружок тоже не отстал. Хотя он и знал, что на ферму его не пустят, что ему придётся ждать у калитки неизвестно сколько времени. Но всё равно побежал за Лёней.

Лёня и Аринка сразу побежали к Тополю, на котором жили скворцы. А у Тополя было веселье. Целая стайка маленьких, ещё желторотых скворушек сидела на ветках. И все они чирикали, пищали, звали отца и мать, требовали корма... А Тополь боялся даже листочками шелохнуть, чтобы не испугать этих деток.

Скворчиха-мать сначала встревожилась, когда ребята прибежали к Тополю. Но Тополь тихонько прошептал:

— Не бойся, это свои.

Скворчиха узнала Лёню и Аринку.

— Здравствуйте, — пропела она, — вот мои детки!

И полетела искать гусеницу или улитку. Дети её, хоть и вылетали из гнезда, пищу себе находить ещё не умели. Тут явился

Скворец с каким-то червяком. Птенцы бросились к нему, выхватили червяка и запищали ещё громче.

— Ну вот, видели? — сказал Скворец. — Чем больше кормишь, тем они голоднее! Мы уже все огороды обшарили, все капустные грядки осмотрели. А они всё есть просят!

— Э-э, как не стыдно! — сказала Аринка птенчикам. — И крылья у вас есть, и хвосты есть, и клювы. А вы всё за отцом да за матерью вяжетесь!

— А мы ещё не умеем! А мы не умеем!— запищали птенцы. — А мы не знаем, где улитки живут!

Прилетела Скворчиха с улиткой в клюве. Птенцы мигом выхватили у неё улитку и опять запищали.

— Беда с вами! — вздохнула Скворчиха. — И придумали же люди песенку: «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда!..» Отдыха мы не знаем — вот что!

И снова улетела.

— Ничего, ничего, — сказал Скворец, — скоро станут совсем взрослыми. Сами будут добывать пищу. К осени им надо как следует окрепнуть: полетят вместе со стаей в тёплые страны. А туда путь не близкий. Вы географию знаете?

— Не очень, — ответил Лёня, — а куда вам лететь?

— В Африку нам лететь, — со вздохом сказал Скворец, — очень далеко. Много дней летим туда. Но когда над землёй летишь, это ещё ничего. Можно опуститься, отдохнуть, поесть. А вот когда над морем, то и отдохнуть негде. День летишь, ночь летишь... Крылья уже как неживые, еле машут. Иногда думаешь: ну конец, ещё раза два взмахну и упаду в море. И на деток оглядываешься, как они? Не отстают ли, не падают ли? Хорошо, если островок — так все птицы на него гурьбой. Мало ли нас, разных птиц, летит в это время! Местечка пустого не найдёшь на таком островке! Если, на беду, случится, что там живут люди, так они нас тут и бьют и прямо голыми руками хватают. А мы и взлететь не можем — сил нет.

— Ой, Скворушка! — прошептала Аринка со слезами.

— Как им не стыдно? — сказал Лёня. — Беззащитных убивать!

— Много нас гибнет в пути, — продолжал Скворец, — и в море падают, тонут. И о маяки расшибаются. Особенно ночью: увидим свет — и летим, не помня себя от радости. А свет-то за стеклом. Об это стекло многие бьются, особенно молодые, неопытные. Ах, всего не расскажешь!

— А у нас зимовать никак не можете? — спросил Лёня. — Вон воробьи, синички зимуют же.

— Не можем, — ответил Скворец, — а то разве мы стали бы улетать на чужую сторону?

— А там вы тоже не можете остаться? — спросила Аринка. — Там же тепло, жили бы да жили!

— Что ты, Аринка, — Скворец даже крыльями взмахнул, — здесь наша родина! Здесь мы родились, здесь наши отцы и наши детки родились. Что ты, разве можно остаться где-то в чужой стране? Здесь наши гнёзда, здесь наши песни! Спою вам сейчас одну — и за работу. Видите, как пищат?

Скворец поднял голову, пропел какую-то весёлую песенку и взлетел.

Взлетел... и вдруг вскрикнул, затрепетал крыльями и упал в траву. Лёня и Аринка сразу вскочили, бросились к нему.

— Вот! — сказал Корней и вышел из-за куста. — Ловко? С одного прицела!

Аринка взяла в руки убитого Скворца. Он был ещё тёплый, но сердце его не билось и головка, залитая кровью, откинулась и повисла. Аринка закричала, заплакала.

Лёня бросился на Корнея и сбил его с ног.

— Я тебя сейчас тоже с одного прицела!

Корней попробовал встать. Но Лёня снова сбил его с ног. Корней барахтался в траве, а Лёня тузил его кулаками.

Наконец Корней вскочил, подхватил свою рогатку и бросился бежать. Но Лёня догнал его, отнял рогатку и закинул в крапиву.

— Кого ты убил! — кричала Аринка. — Ведь ты у деток отца убил!

Но Корней уже не слышал. Он выбежал за калитку и заревел во весь голос.

— Я вот скажу дома! — ревел он. — Я вам не дурак, молчать не буду!

Так он шёл и ревел. Ну и пусть ревёт. Мы его утешать не станем.

Только вряд ли он ещё раз тронет белку или птицу или обидит маленьких ребят. На их защиту сразу встанут против него «Защитники слабых» — отряд Лёни и его товарищей. Потому что теперь у Лёни много товарищей, которые вместе с ним защищают тех, кто сам защититься не может.

Птичьи малыши появляются в лесу чуть ли не в каждом месяце. В феврале вылупляются клестята, в мае — воронята, в июле — дергачата. А в июне сразу синичата, скворчата, сойчата. Глухарята, галчата, кукушата. Всех и не назовёшь!

У всех день рождения — самый счастливый день. Поздравим с ним лесных малышей.

ЕЛОВАЯ КАША

Н. СЛАДКОВ *Рис. Е. РАЧЁВА*

У всех день рождения — радость. А у клестят — беда. Ну что за радость вылупиться зимой? Мороз, а ты голышом. Один затылок пухом прикрыт.

У всех птиц родители как родители, детей летом выводят, когда тепло и сытно. Одним клестам законы не писаны. Высидели клестят зимой, да ещё двадцать девятого февраля! Что это за день рождения, который бывает один раз за четыре года? Прямо хоть плачь: ни зелени, ни гусеничек, снег, холод... А родителям хоть бы что! Вон папа-клёст сидит себе на ёлке и песни поёт. А у самого пар из клюва. Будто трубку курит.

Это я так про клестят думаю.

Только вижу, что сами клестята живут не тужат. Клестята кашу едят. Хороша каша из еловых семян!

Каши наедятся — и спать. Снизу гнездо — как пуховая перинка, сверху мама — как перяное одеяльце. А изнутри каша греет. Ёлка клестят баюкает, ветер им песни мурлычет.

Немного дней прошло — выросли клестята. Ни горлышки не застудили, ни носы не отморозили. Да толстые такие, что в гнезде тесно. И неугомонные: чуть из гнезда не вываливаются. Это, наверное, всё от забот маминых и от еловой каши. А ещё от яркого солнышка и морозного ветра.

Нет, день рождения — всегда счастливый день.

Пусть даже зима и мороз. Пусть даже двадцать девятого февраля. Всё равно!

ПОПРЫГУНЧИК

Энид БЛАЙТОН *Рис. Е. МОНИНА*

В одной игрушечной лавке жил-был противный забияка Попрыгунчик. Волосы у него торчали во все стороны, нос был длинный-предлинный, глаза выпученные, и смеялся он хриплым смехом. Он любил пугать другие игрушки и всегда неожиданно набрасывался на них.

Днём ещё было хорошо, потому что он сидел в своей коробке и молчал. Тем не менее стоило лавочнику открыть крышку, как он с пронзительным воплем выскакивал наружу, и все игрушки дрожали от страха.

По ночам же он сам вылезал из коробки и прыгал по полкам. Спрячется за кукольным домиком и, как только кукла выйдет, возьмёт да и прыгнет на неё. Однажды он так напугал бедняжку, что она забралась в пожарную машину и порвала своё красивое платье.

А как-то раз, когда все звери во главе

со своим царём Львом отправились прогуляться по магазину, он спрятался в их ящике. Когда они вернулись и Лев поднял крышку, чтобы звери могли забраться в свой дом, Попрыгунчик как прыгнет на них, так они все и разбежались.

Целую ночь Лев искал их по всему магазину, а одного медвежонка он так и не нашёл — хорошо, что тот был маленький и лавочник не заметил.

Очень надоел игрушкам Попрыгунчик. Они никогда не знали, что он может выкинуть в следующую минуту. И вот однажды ночью, когда он, наконец, уснул в своей коробке, они собрались вместе и стали думать, что с ним делать.

— Хорошо бы выгнать его из нашей лавки, — сказала кукла.

— А как это можно сделать? — спросил самый большой медведь.

— Может быть, заводной поезд увезёт его куда-нибудь, — предложила кукла.

— Не повезу, — сказал поезд. — Не хочу я с ним связываться. Вчера ночью он прыгнул на меня, столкнул с рельсов и сломал у меня одно колесо.

— Да, это очень плохо, — вздохнула кукла.

— Тогда, может быть, автобус или пожарная машина? — предложило пугало. — Пусть они завезут его куда-нибудь и потеряют.

— Даже если бы мы и увезли его, — сказал автобус, — как бы мы смогли заставить его вылезти, если он не захочет? Он будет сидеть на месте, и нам придётся привезти его обратно.

Тут с верхней полки подал голос самолёт.

— Я возьму его с собой, — сказал он. —

Во время полёта я могу перевернуться и вывалить его. А потом прилечу назад.

— Вот здорово! — обрадовались куклы. — Но как нам уговорить его сесть в самолёт?

— Завтра вечером я буду каждого из вас катать, — сказал самолёт. — Попрыгунчик наверняка тоже захочет, и как только он усядется, я вылечу в окно.

На следующий вечер все игрушки по очереди стали кататься на самолёте. Это было интересно и всем очень понравилось. Внезапно Попрыгунчик скакнул на медвежонка и так напугал его, что тот упал в миску с водой и чуть не утонул.

— Послушай, Попрыгунчик, кончай свои фокусы. Иди-ка лучше сюда, я тебя покатаю, — сказал самолёт, приземлившись рядом с ним.

Тот залез в кабину пилота. Самолёт поднялся в воздух и вылетел через окно.

Все игрушки радостно кричали и хлопали в ладоши, когда увидели, что самолёт увозит противного Попрыгунчика. Они с нетерпением ждали возвращения самолёта и, когда он, наконец, прилетел назад, окружили его и стали спрашивать, что он сделал с Попрыгунчиком.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся самолёт. — Вы даже не угадаете! Когда я пролетал над домом старой колдуньи, я перевернулся и выбросил Попрыгунчика прямо в трубу. Колдунья сидела у очага и, увидев Попрыгунчика, вылезающего из трубы, сначала чуть не умерла от страха. Затем она произнесла какие-то таинственные слова и превратила его в мышонка. Я всё это видел своими глазами, потому что я сделал круг и заглянул в окно. Я опустился на землю и стал ждать, когда мышонок выскочит из дома колдуньи. Вскоре он выбежал оттуда и сразу бросился в кабину. Пришлось привезти его назад.

— Что! Ты привёз назад этого отвратительного Попрыгунчика? — в ужасе закричали игрушки.

— Но ведь теперь он всего лишь маленький мышонок, который до сих пор дрожит от страха, — засмеялся самолёт. — Вы только посмотрите на него.

Игрушки стали заглядывать в окно кабины. Там на полу, забившись в угол, сидел маленький мышонок и глядел на них испуганными глазами.

— Вот теперь пусть Попрыгунчик узнает, что такое страх! — обрадовались игрушки. — Он получил по заслугам.

Они вытащили мышонка из самолёта, но он вырвался и спрятался за грудой коробок. Кот Сандерс, который жил в лавке, почуяв мышиный запах, стал преследовать мышонка.

Только мышонок чуть-чуть вылезет из своего укрытия, кот хвать его лапой. Мышонок едва успевал спасаться бегством. Теперь он узнал, что такое жить в постоянном страхе. Ох, как жалел, что обижал игрушки!

Однажды мышонок забрался на ночь в свою старую коробку и заснул в ней. Когда он проснулся — о чудо! — он уже не был больше мышонком. Он снова стал Попрыгунчиком!

Утром игрушки увидели это и очень перепугались. Они боялись, что теперь опять начнутся их мучения. Но Попрыгунчик получил хороший урок. Он стал добрым и ласковым и никогда больше не прыгал на игрушки и не пугал их.

— Простите меня за то, что я был таким злым, — сказал он. — И давайте будем друзьями.

Игрушки простили его, и сейчас они все живут очень дружно.

Теперь Попрыгунчик выскакивает из своей коробки только тогда, когда кот Сандерс проходит мимо. Кот в испуге шарахается в сторону, а Попрыгунчик звонко смеётся. Он не забыл, как пугал его кот Сандерс, когда он был маленьким мышонком.

Перевела с английского
М. КРИГЕР

ТЕНЬ

Е. КУЛЫШЕВ

У меня такая тень —
Непоседа просто!
Не присядет целый день:
То ныряет с моста,
То гоняет ловко мяч,
То дерётся с кошкой,
То стрелой несётся вскачь
С шашкой по дорожке.
То развяжет пышный
бант,
Мимо пробегая,
И девчонки:
— Хулиган! —
Тень мою ругают.
Вот она скользит опять
По дорожке птицей...
Хочет тень моя,
Видать,
Вволю нарезвиться!
До заката,
Напролёт,
Тень как заводная...
Как она не устаёт —
Просто я не знаю!

ПЕСЕНКА ГРАЧЕЙ

М. БОРИСОВА

Надев торжественный наряд
Из чёрного пера,
Мы возвратились в Ленинград.
Ура! Ура! Ура!

Пускай с утра поют ветра,
Пускай мокра кора,
Прохлада лучше, чем жара!
Ура! Ура! Ура!

Ремонт гнезда начать пора,
За дело, мастера!
Ура строителям, ура!
Ни пуха ни пера!

ГУСИ

А. ШИЛЯЕВ

Старый дедушка Евсей
На лугу пасёт гусей.

Гуси белые как снег,
Лапы красные у всех.

Ходят гуси:
— Га-га-га... —
А над ними радуга.

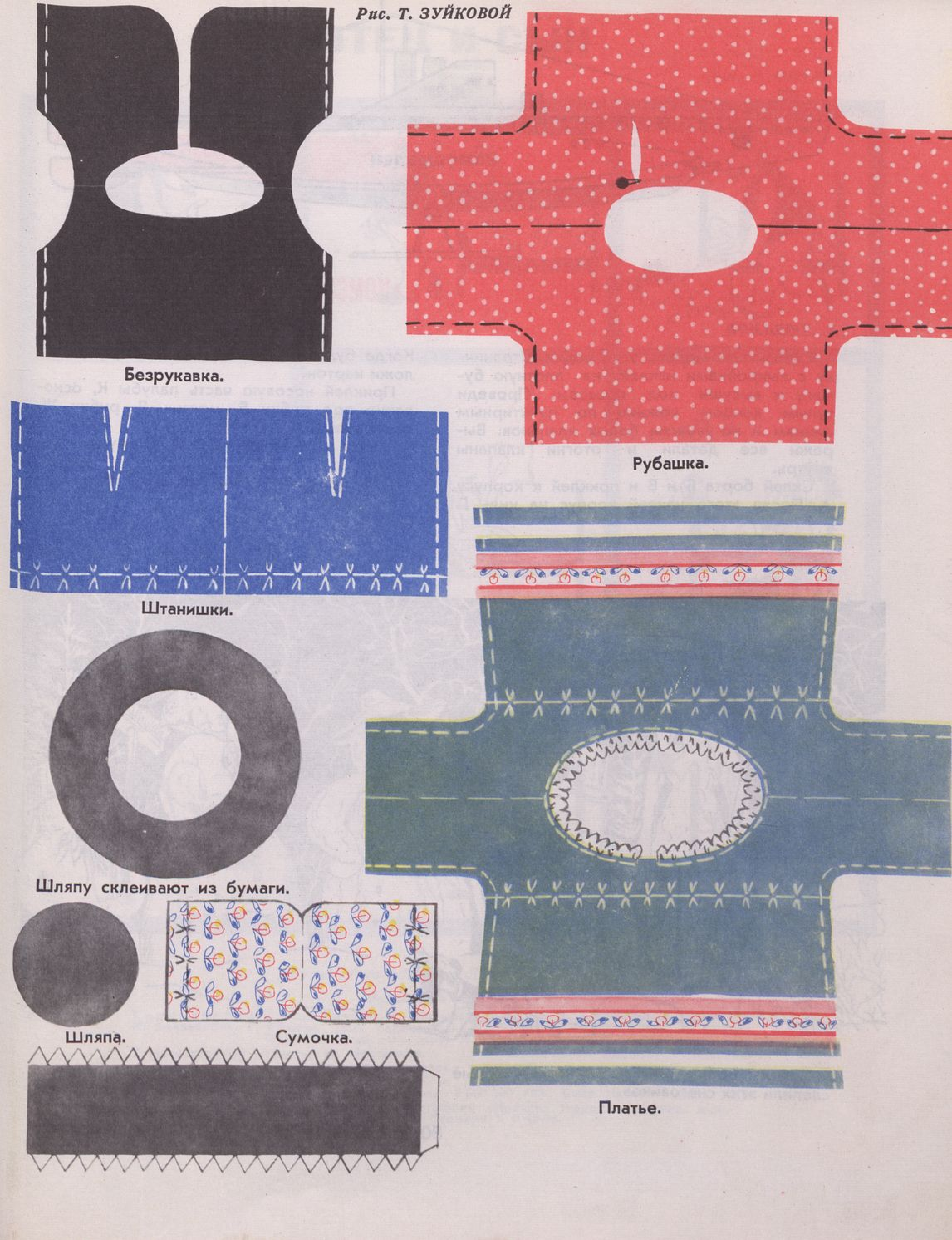
А над ними самолёт,
За собой гусей зовёт.

Только гуси не летят,
Видно, гуси не хотят.

Рис. Ю. СЕЛИВЕРСТОВА

Для лисички, куклы, мишки
шьём мы платья и штанишки.

Рис. Т. ЗУЙКОВОЙ

Безрукавка.

Рубашка.

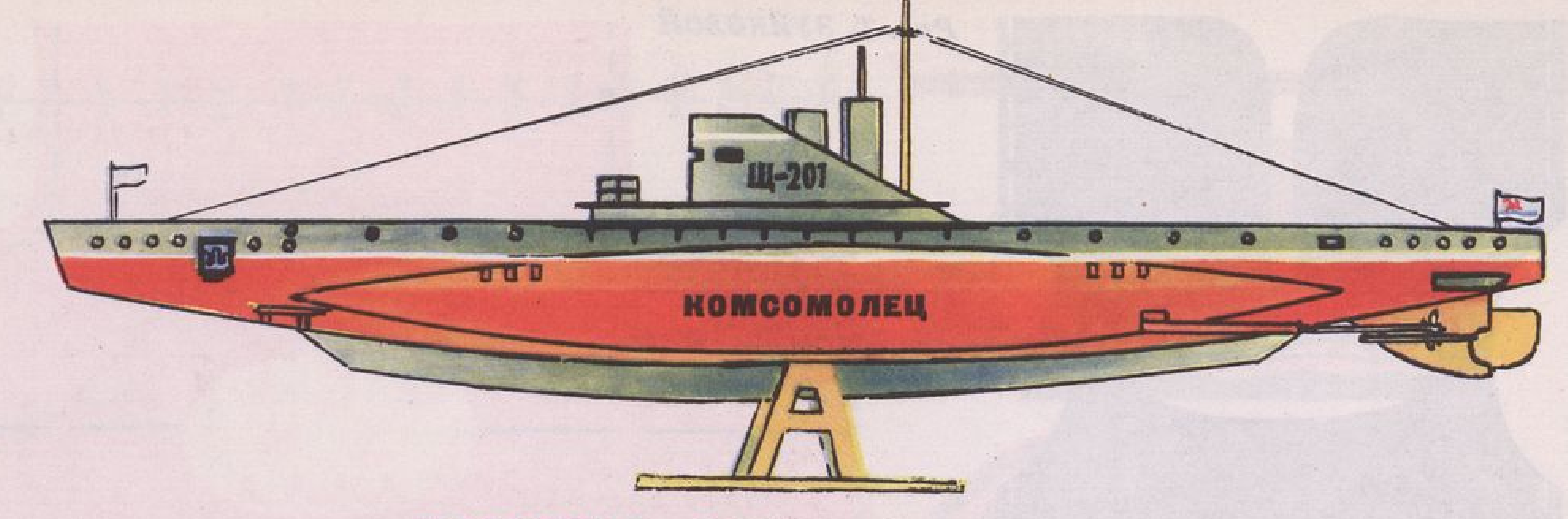
Штанишки.

Шляпу склеивают из бумаги.

Шляпа.

Сумочка.

Платье.

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА «КОМСОМОЛЕЦ»

В. ЛЮБИМОВ

Сделай сам модель этой лодки. Страничку с выкройками наклей на плотную бумагу и высуши под прессом. Проведи тупым концом ножниц по пунктирным линиям и по линиям белых клапанов. Вырежи все детали и отогни клапаны внутрь.

Склей борта Б и В и приклей к корпусу А. После этого наклей корпус на киль Г. Когда будешь склеивать киль, внутрь проложи картон.

Приклей носовую часть палубы К, основание под рубку Е, мостик Д, рубку Ж, перископы 1 и 2.

Мачту и перископ сделай из круглых палочек.

Сам придумай, как сделать подставку для лодки.

Помоги Бобику найти ребят, которые слепили этих снеговиков.

Рис. Л. СМЕХОВА

ОТЕЦ И СЫН

Рис. Е. ПЛАВЕНА

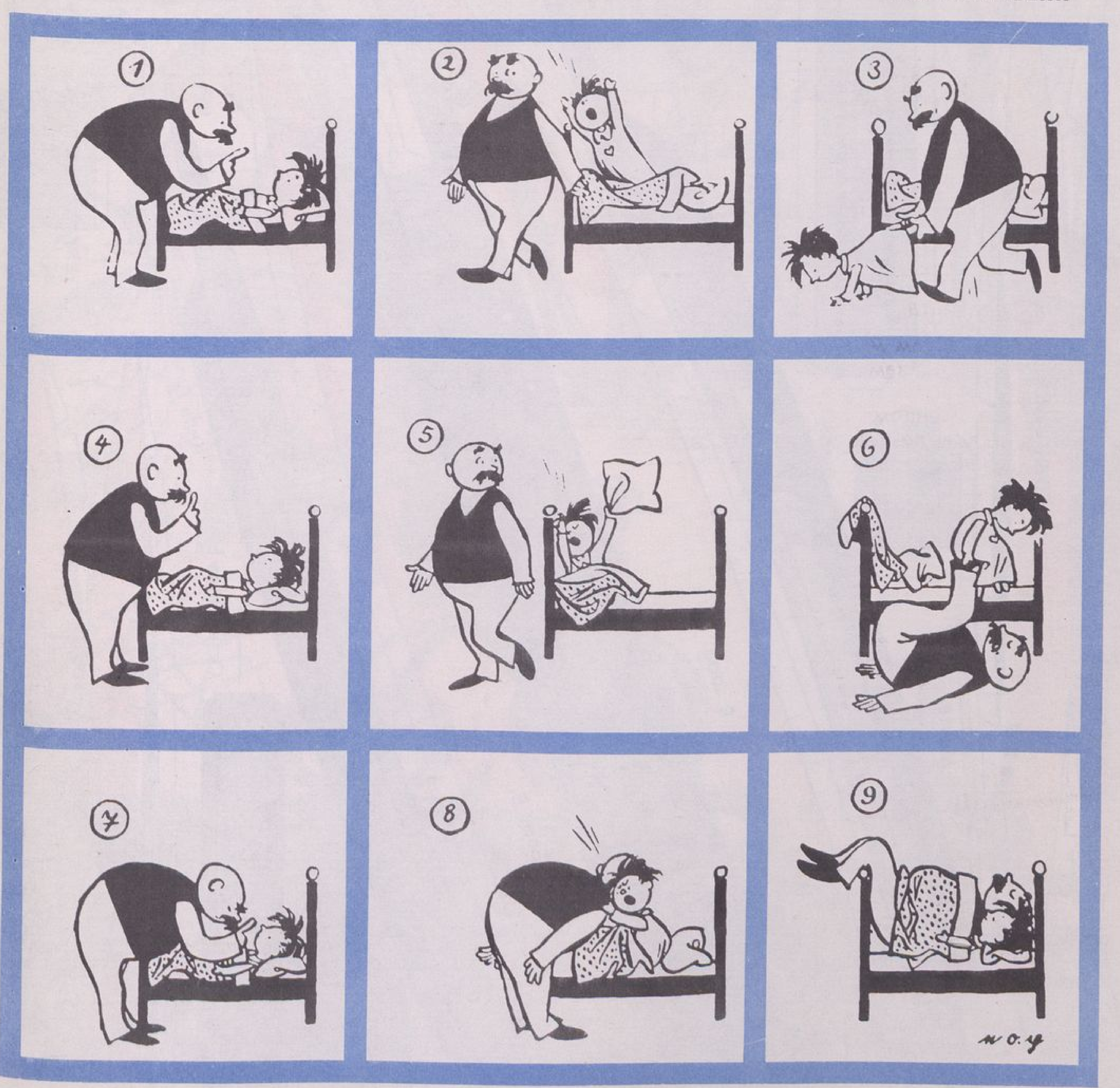

Рисунок на обложке Л. ТОКМАКОВА

Редактор **А. МИТЯЕВ**

Редколлегия: **З. Александрова, С. Алексеев, А. Барто, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова** (зам. редактора), **Ю. Казаков, М. Коршунов, К. Орлова** (ответственный секретарь), **Е. Рачёв, В. Чижиков.**

Художественный редактор **Ю. Молоканов.** Технический редактор **В. Лубкова.**

Год издания сорок четвёртый.

Сдано в набор 10/I 1968 г. Подписано к печати 26/I 1968 г. Формат $84 \times 108^{1}/_{16}$. Печ. л. 2 (усл. 3,36). Уч.-изд. л. 4. Тираж 5 600 000 экз. Цена 10 коп. Заказ 3010.

Адрес редакции, издательства и типографии «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Сущёвская, 21. Телефон Д 0-45-08.

Цена 10 коп.

Индекс 70553

